

RU

Теоретические векторы познания государства: от дисциплинарного к междисциплинарно-интегративному

Таранова А. Е.

Аннотация. Цель исследования - реконструкция теоретических констант познания государства на пересечении философии и юридической науки в различных типах научной рациональности (классическом, неклассическом, постнеклассическом). Научная новизна состоит в выявлении форм познания государства (синкретизм, дисциплинарность, междисциплинарность и интегративность) через призму исторической динамики философии и философских оснований юридической науки, ее современной антропологизации. Выявленные в результате исследования методологические векторы позволяют обосновать эвристичность междисциплинарно-интегративного исследования государства в контексте утверждения постклассических философско-методологических оснований юридической науки.

EN

Theoretical Vectors of State Cognition: From Disciplinary to Interdisciplinary-Integrative One

Taranova A. E.

Abstract. The purpose of the research is to reconstruct theoretical constants of the state cognition at the conjunction of philosophy and legal science in various types of scientific rationality (classical, non-classical, post-non-classical). Scientific novelty lies in identifying forms of the state cognition (syncretism, disciplinarity, interdisciplinarity and integrativity) through the lens of historical dynamics of philosophy and philosophical foundations of legal science, its modern anthropologisation. The methodological vectors identified as a result of the research make it possible to substantiate heuristic nature of the interdisciplinary-integrative study of the state in the context of establishment of post-classical philosophical and methodological foundations of legal science.

Введение

Актуальность исследования. В условиях современной глобализации обосновываются многообразные, часто антагонистические прогнозы относительно будущего государства, что интенсифицирует необходимость «нового витка» его познания. Важным является вопрос выбора методологических оснований реконструкции и понимания базовых констант образа и понятия государства в контексте глобальной трансформации его атрибутов, функций, культурно-антропологических и пространственно-онтологических характеристик, политико-правового статуса.

Эвристическим потенциалом обладает переход от дисциплинарного к междисциплинарному вектору познания. Междисциплинарно-интегративное осмысление соединяет многообразные константы и ресурсы функционирования государства (социокультурные, политические, правовые, территориально-географические, экономические) и, основываясь на культурной антропологии как интегративно-синтетической методологии познания, раскрывает их в человеческом измерении (так как человеческий фактор определяет тип государства и его перспективы). В свете этого теоретически и методологически значимой является реконструкция исторических форм познания государства, соответствующих различным типам научной рациональности (классика, неклассика, постнеклассика).

Задачи исследования: реконструкция форм и принципов познания государства в классической философии и юридической науке; определение векторов трансформации оснований познания государства в неклассической философии и юридической науке; определение перспективных теоретических и методологических принципов познания государства в постнеклассической философии и юридической науке.

Для достижения задач использованы системный, историко-философский, сравнительно-диалогический методы анализа проблемы, а также интегративный и культурно-антропологический подходы.

Теоретическая база исследования имеет интегрированный характер. В свете того, что в статье раскрываются классический и постклассический векторы познания государства, теоретическая база поддерживается двумя группами источников. Первая группа связана с освещением государствоведческой проблематики с синкретичных, дисциплинарно-позитивистских позиций, которые раскрываются в изданиях, освещающих становление и развитие идеи государства в философских и социально-политических учениях Древнего Востока, Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени [4-6; 12]. Вторая группа источников интерпретирует междисциплинарные (постклассические) векторы познания государства [2; 8-10]. В частности, значимыми в данном контексте являются принципы философско-антропологического анализа как междисциплинарно-методологического феномена, представленные А. Барнардом, А. А. Никишенковым [1; 7]. Особенности постклассической методологии юридических наук изложены И. Л. Честновым [3].

Практическая значимость исследования состоит в обосновании междисциплинарно-интегративной методологической программы познания государства как культурно-антропологического феномена через реконструкцию культурно-исторических констант для прогнозирования векторов его трансформации в условиях глобализации.

Основания познания государства в классической философии и юридической науке

Теоретические основания перехода от дисциплинарного к междисциплинарному, а за тем и междисциплинарно-интегративному познанию человека, общества, культуры, социальных институтов, включая государство и право, стали складываться на рубеже классического и неклассического типов научной рациональности, пошатнув позитивистскую научно-исследовательскую программу в философии и социально-гуманитарных науках.

Вместе с тем предпосылки анализа, выходящего для понимания объекта за пределы характеристик его внутренней структуры и свойств (попытка преодоления гносеологического объективизма), складываются и проявляются в качестве отдельных проблесков до появления неклассической науки и философии (в частности, проявлялись они в конфуцианстве, философско-этических учениях Платона и Аристотеля, религиозно-философских системах Августина Блаженного и Фомы Аквинского, осуществлявших попытку связать природу общества, государства с характеристиками природы самого человека и фундаментальных образов и понятий, обозначавших в древней и средневековой философии предельные основания бытия).

Аргументы в сторону субъектности человека в значении «культурации различных внутренних моральных и эстетических проявлений духа» [7, с. 44], а также исторически обоснованной, культуроцентричной модели всеобщей истории, общества, государства, права были выдвинуты в немецкой философии XVIII-XIX веков. Обоснование культуры народов и наций через призму «народного духа, природы нации», определяющих историческую судьбу конкретного народа (например, государство у Канта и Гегеля – исторический феномен, тесно связанный с векторами исторического и культурного развития нации) стало основой немецкого романтизма и предпосылкой иррационализма. От этих принципов отталкивались антинатуралистическая научно-исследовательская программа философии науки и философии социально-гуманитарных наук (неклассика) на рубеже XIX и XX веков.

Период становления классической науки и научного типа мировоззрения в Новое время был сопряжен с установлением натуралистически-механистического утилитарного образа научной рациональности, в рамках которого проблемы выхода из синкретичного состояния социально-гуманитарных наук, в частности, юридической науки как формы познания государства, решались на основе позитивистских принципов, обособивших понимание природы человека, общества, государства, права от оснований, описываемых в теориях естественного права. При этом сами интерпретации естественного права и его гипотез (гипотезы естественного состояния, естественного происхождения прав и свобод человека, договорного происхождения государства) в Англии, Франции, Шотландии в творчестве Дж. Локка, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ж. А. де Кондорсе, А. Фергюсона соотносились с постулатами натурцентризма – эволюционизмом, прогрессизмом, географизмом, «естественной историей» и «естественной природой» общественных явлений [4; 7; 12].

К XIX веку проблемы перехода от синкретичного к специализированному дисциплинарному познанию государства и права приобрели не только теоретическое значение, но и объективное практическое основание в связи с утвердившимися буржуазно-капиталистическими принципами и влиятельными тенденциями научно-технического прогресса, ознаменовавшими завершение «второго синтеза» гражданского общества и оформление капиталистического классового общества. «Новое общество» указанного периода представляет собой неклассическую социальную систему, связи в которой с традиционных меняются на экономические и политические (в западноевропейской специфике понятие нации в Новое время приобретает политическое содержание и становится основой национального государства). Указанные изменения обуславливают необходимость институционализации права и его специализированного познания (переход от синкретичности к дисциплинарности) как основного механизма государства, практического воплощения естественно-правовых установлений, связанных с утверждением естественных неотчуждаемых прав и свобод человека, обеспечивающих его социальную субъектность. Вместе с тем юридическая наука рубежа XVIII-XIX веков не представляла собой самостоятельную систему, обладавшую специфическими средствами познания и общеюридическим понятийно-

категориальным аппаратом, обеспечивающим получение объективных, истинных знаний о государственно-правовой реальности. Основные правовые и государствоведческие учения носили синкретичный характер и формировались в классических философско-правовых учениях, а не «чистых» учениях о праве и государстве.

В истории взаимосвязи философии и юридической науки ведущую роль длительное время играла философия. За исключением немецкой философской традиции XVIII-XIX веков западная философия не считала область права заслуживавшей отдельного внимания [11, с. 22-23]. Аналогичная ситуация складывалась и в сфере государствоведческих исследований, которые стали обретать правовую и политическую специфику как основную характеристику природы государства к середине XIX века. Это, в частности, обусловлено тем, что процесс централизации национальных государств осуществляется достаточно поздно, ближе к XVI веку. В этот же период в трудах Н. Макиавелли появляется понятие «государство», а само государство начинает оформляться как политический субъект, а не часть культурно-религиозного типа (мира). Фактически же научное познание государства складывается в Новое время, когда оно становится феноменом секулярной культуры, а внутри- и внешнегосударственные связи начинают отталкиваться не от религиозных скреп, а политических и экономических принципов. Ранее в теории и практике речь шла о полисах, империях, республиках, городах, монархиях, которые соответствовали складывавшемуся на разных культурно-исторических этапах и в разных цивилизациях онтологическому образу. Так, «феодалная раздробленность Запада объективно способствовала формированию "Pax Cristiana" (христианского мира) в силу отсутствия какой-либо централизованной светской власти. Ее место достаточно быстро заняла духовная власть римских пап, претендовавших несколько столетий на исключительную роль в политической и культурной жизни своего времени» [3, с. 18].

Проблемы философии, морали, юриспруденции, законодательства, представления о государстве не были отделены друг от друга, плотно взаимодействовали и в большей или меньшей степени имели религиозную характеристику. Так, например, характеризуется состояние юриспруденции в Германии в XVII-XVIII веках: «...замкнувшись в круге практических задач, юриспруденция не находила в себе достаточно сил, чтобы выйти на новую дорогу... Представители юриспруденции не были в силах разобраться в сложном материале римского права. Судьи и законодатели терялись в массе разнородных определений Юстиниановой компиляции и в хаосе позднейших интерпретаций. Затруднение еще увеличивалось тем, что наряду с римским правом приходилось иногда соотноситься с германским и каноническим. Понятно, почему в течение XVII и XVIII столетий не прекращаются жалобы на неопределенность права, на отсутствие правильной юстиции и произвол судей» [6, с. 28].

В свете указанных проблем причиной «упадка» западноевропейской юриспруденции, просуществовавшего до XIX века, часто обосновывалась естественно-правовая школа (классическая философия права). Однако истинной причиной являлась недостаточность ее собственных теоретико-методологических, духовных и практических средств. Несовершенство юридической практики и отсутствие правовой теории заставляло обращаться к естественному праву, имеющему систему и единство, «об этом дошло до нас свидетельство Лейбница. Указывая на недостатки современной ему науки права, он замечает, что из-за этих недостатков наиболее благородные умы выказывают более склонности к естественному праву и истории при объяснении природы государства и права» [Там же, с. 29].

До начала XIX века юридическая наука (не юриспруденция, которая воспринималась как понятие, тождественное понятию «юридическая наука», включающая прикладной (правотворчество, правоприменение, судопроизводство, юридическая техника) уровень) характеризовалась общими для статуса социально-гуманитарных наук того периода особенностями (синкретичность, методологический и теоретический монизм). Современная практика разведения понятий «юриспруденция» и «юридическая наука» основана на их историческом несоответствии. Долгое время именно юриспруденция, имея древнейшие исторические корни, являлась основной формой институционализации права. В частности, доминанта практической юридической деятельности отражается на аргументах Ф. Бэкона, обосновывающих индуктивную методологию для естественных наук и философии. Ф. Бэкон призывал исследователя уподобиться законодателям, судьям, которые тщательно отыскивают в информационном хаосе факт за фактом, вырабатывают прецеденты и устанавливают их истинность путем наблюдения и эксперимента.

Формирование специальных юридических учений о праве и государстве (развитие мета- и среднего уровня юридической науки) требовало перехода от синкретичной юриспруденции к юридической науке и обретения ей самодостаточного дисциплинарного статуса. Решению данной методологической проблемы способствовало возникшее в немецкой юриспруденции на рубеже XVIII-XIX веков в Геттингене (на базе Геттингенского университета сложились предпосылки немецкой исторической школы права) новое движение, «подготовленное общим развитием научного духа» [Там же, с. 31]. Оно «выступило против господства среди юристов практических стремлений, но и против приемов философской школы» [Там же]. Данное движение основывалось на тезисах Г. В. Лейбница, ратовавшего за строгую логическую систему изложения права, и Ш. Л. Монтескье, утверждавшего связь особенностей общества с особенностями истории и законов (законы одного народа, за редким исключением, не пригодны для другого народа; универсальные идеальные правовые установления для всех народов невозможны).

Выделение в структуре юриспруденции теоретического уровня и отделение его от юридической практики было обеспечено позитивизмом, получившим становление в 1830-х годах и ставшим апологией натуралистической научно-исследовательской программы в философии и социально-гуманитарных науках. Опора эпистемологических положений позитивизма на экспериментальные, классические механистические методологические

принципы естественных наук, четко отделявших научное знание (основанное на факте) и ненаучное (мифологическое, религиозное, метафизическое) позволила сконструировать логические и методологические основания для становления и дифференциации социально-гуманитарных наук, в частности, юридической науки. В своей позитивистской версии юридическая наука провела демаркацию между научным юридическим и «ненаучным» метафизическим пониманием природы права и государства. Это способствовало конструированию предметности юридической науки и определению предмета правового регулирования для всех отраслевых юридических наук, формированию методологии и юридических понятий, развитию научно-обоснованной юридической техники, критериев научности юридического познания и знания, системы оценки правовой практики и эффективности права. Установки юридического позитивизма усиливались и специфицировались от классического юридического позитивизма к неопозитивизму, сохраняя и развивая нормативистско-догматические основания и средства познания государственно-правовой реальности.

Позитивизм, имевший принципиальное значение для институционализации и дифференциации юридической науки (в частности, институционализации общей теории права и государства, составляющих метауровень юридической науки), отталкивался от радикальной версии сциентизма при выработке и определении общепризнанных и конкретно юридических понятий. В позитивистской программе любое научное рассуждение должно быть подтверждено фактами, отражающими внешние признаки (проявления) исследуемых объектов. Юридический позитивизм максимизировал установки институционального подхода к государству, выведя его за пределы культурно-исторических, этико-деонтологических, аксиологических интерпретаций и сфокусировав внимание на нем как на бюрократическом (политико-правовом) институте, эксклюзивными функциями которого являются властная и правопроизводящая (права нет до и вне государства, а государство не продукт культурно-исторического развития человечества, принимающий органичные для каждого исторического периода и цивилизационного типа формы, но продукт определенного типа общества, определенной формации (буржуазное капиталистическое общество), достигшего той стадии «интеллектуальной эволюции», которая позволила обеспечить получение истинно-научных знаний о мире и построение на основе этих знаний политической институции жизни, заменив традиционные «устаревшие» социальные связи внутри государства и между государствами).

Векторы трансформации оснований познания государства в неклассической философии и юридической науке

На рубеже XIX-XX веков классический позитивизм под влиянием внутринаучных факторов (научные революции в естественных науках, расширившие их эпистемологические горизонты за пределы классической механики и позволившие углубиться в микромир изучаемых объектов, поставивший под сомнение возможность описать любое явление; становление социально-гуманитарной научной картины в опоре на иррационализм и антисциентизм) сменился неопозитивизмом, взявшим за основной критерий научности формальную логику, которая заменила в роли эпистемологического эталона физику и биологию. Аналитическая юриспруденция, нормативизм пытались построить основанную на логике теорию права и государства (например, «чистое» учение о праве Г. Кельзена), увеличивая с помощью формально-догматических средств «водораздел» между государственно-правовыми понятиями (основанными на фактах, явлениях) и экзистенциально-антропологическими интерпретациями, ставшими доминантными в постклассике.

А. Мишель, анализируя тезисы О. Конта, обосновывает значимость принципов позитивизма в обретении научно-теоретической основы социальными и политическими учениями. Содержание классического позитивизма часто исчерпывают критикой метафизики, в то время как он направлен на то, чтобы научить, как жить, как реорганизовать общество на основе научно-обоснованного проекта. Так как реорганизацию О. Конт рассматривает как дело «теоретическое по существу», важным оказывается тезис, высказанный им относительно оценки практики политического и социального строительства предшествующего исторического периода, где отмечается что считалось «чисто практическим делом, являющееся теоретическим по существу» [5, с. 365]. Теория в данном контексте означает не учение о естественном праве, которое в своих гипотезах соответствует теологической и метафизической стадиям развития, а науку, основанную на наблюдении, следовательно, и политическая наука должна соответствовать данным сциентическим принципам.

Позитивистская научно-исследовательская программа способствовала интенсивному росту социально-гуманитарных наук, в том числе и юридических. Позитивная юридическая теория, абстрагировавшаяся от разноуровневых срезов государственно-правовой реальности, микроуровня ее функционирования, связанного с человеком, широких социокультурных связей, обеспечила становление и научное обоснование перечней доктринальных юридических характеристик, признаков, проявлений, форм государства и права, которые легли в основу современных представлений о практических юридических и политических механизмах функционирования данных институтов на локальном, региональном и глобальном уровнях. Позитивистская установка в юридической науке, поддерживаемая за счет догматичности юридических теорий среднего уровня, сохраняла свои позиции «лидирующей» методологии вплоть до перехода от неклассического к постнеклассическому типу научной рациональности. Во многом догматичность и ориентация на нормативизм стали причинами «сложного положения» юридической науки в условиях необходимости выработки теоретических и методологических ответов на вызовы постмодернизма и вызванного им мировоззренческого кризиса.

Определение перспективных теоретических и методологических принципов познания государства в постнеклассической философии и юридической науке

Современное состояние методологии юридической науки характеризуется как пересечение эпистемологических парадигм (классической, неклассической и постнеклассической). Юридическая наука, являясь частной социальной наукой, испытывает влияние всех эпистемологических векторов, постулируемых типами научной рациональности. Реализация эпистемологических принципов применительно к познанию государства формирует картины понимания связи его природы с природой человека. Так, в рамках классического типа научной рациональности, государство – машина по управлению обществом (механицизм), независимая от характеристик человека и общества, «поглощающая их»; в неклассике государство постепенно антропологизируется, отталкиваясь от постулирующейся в научной теории и социальной практике (включая правовую, политическую) субъектности человека как личности (субъект-субъектное взаимодействие человека и государства); в постнеклассике государство – продукт многообразной деятельности человека, обусловленный социокультурным контекстом этой деятельности. В современной эпистемологической парадигме теория права, представляющая метауровень юридической науки, отыскивая эвристические направления выхода отраслевых юридических теорий из нормативистско-догматического состояния, не позволяющего формировать многовекторные стратегии познания государства через связь с человеком, находит выход в междисциплинарно-интегративной методологической установке. Это позволяет преодолеть онтологический «разрыв» человека и государства, общества и государства, обеспечивает методологическое основание демонстрации исторической связи природы государства с преобладающей природой человека – чувственной, волевой, рациональной, иррациональной, воспроизводящей соответствующие типы мышления, мировоззрения и социальной практики.

Сложность определения общества и любого социального института, в частности, государства, состоит в том, что социальность не имеет непосредственной референции (воплощения в материальном, фактическом). Любое единичное проявление социальности (государственного бытия) в жизненной практике человека, социальной группы никогда полностью не объемлет и не отражает ее многообразия. Вместе с тем без воплощения в единичном общесоциальное не существует. Это обусловлено тем, что человек в постклассической картине мира больше не вынесенная за скобки субстанция, а активный субъект, «начало» всех социальных образований. Специфика социального в человеческом измерении состоит в его знаково-символическом опосредовании: это мир значений и смыслов, которые приписываются людьми фактам, действиям, вещам (означивание и осмысление выступает содержанием культуры, которая, в свою очередь, есть содержание социальности).

В условиях постмодернизма данная задача проблематизируется тем, что смена философских оснований науки усложняет понятия «человек», «общество» и связи между ними. В свете этого холистические и номиналистические установки, ставшие в классической науке основами для оформления социоцентризма, постулирующего «поглощение обществом человека, являющегося продуктом социальной системы», и человекоцентризма, утверждающего онтологическую первичность человека как креативной творческой личности, являющейся творцом социальной системы, дополняются обновленными вариациями решения дилеммы «человек для государства или государство для человека?» [9]. Так, «крупнейший немецкий социолог XX века Н. Луман основное и непреодолимое противоречие видит в невозможности соотносить человека и общество в одном целом (в системе) и приводит к выводу о необходимости сформулировать концепт общества без индивидов» [3, с. 280].

Выделяются и другие версии интерпретации социальности, в частности, первичность индивида, создающего общество для собственной выгоды, но при этом суждения о выгоде, замещающей в индивидуализированной модели понятие «общее благо», вследствие отсутствия солидарности и коллективного диалога между субъектами социального взаимодействия (точнее, действия в условиях социальной атомизации) приобретают субъективный и волюнтаристский характер.

Антиномия общества и человека черпает основания во многих проявлениях глобализации и мультикультурализма, формирующих в своих либеральных версиях человека онтологически «свободного» от семьи, общества, государства, нации, культуры, в некоторых случаях пола, обеспечивающих традиционные траектории становления идентичности и укорененности, воспроизводства ценностей национальной культуры, формирования гражданина, семьянина для общества и государства. Человек, выведенный за скобки традиционных обеспечивающих его социализацию, инкультурацию, идентификацию институтов, не становится частью какого-либо целого в психологическом, эмоциональном и ценностном измерениях и оказывается, используя понятие, введенное Э. Дюркгеймом, в состоянии аномии. По аналогии данные проблемы переносятся на связь человека и государства и перспективы их будущего. Не случайно в философии, социологии, политологии высказываются в качестве возможных сценариев при неизменности развивающихся процессов «преодоление» национального государства (Ю. Хабермас), замена государства «глобальным административным правом или управлением», в рамках которого разрушаются национальные политические механизмы и институты, завершение эпохи суверенного государства [10, с. 49].

Таким образом, в условиях современной глобализации выделяются противоречивые прогнозы будущего государства. Одни стремятся к обоснованию его человекоцентризма, неразрывной связи с духовной природой человека, раскрытию его как «произведения искусства». Воспроизводство этой кровно-духовной связи – основа преодоления вызовов и угроз глобальных проблем современности. Другие утверждают различные

формы нового «государственного минимализма» или глобального «растворения» государства, сужения поля государства до объемов бюрократического аппарата (институциональный подход сужается до организационного), продолжая в новых условиях традицию разграничения государства и человека, государства и общества, которых объединяют только формальные договорные отношения экономического и политического характера.

Задача философского познания государства глобальна. Она традиционно выявляет аксиологические, антропологические, онтологические, творческие основания, обеспечивающие условия для его многовекторного понимания в науке, в том числе юридической, определяя дисциплинарные и междисциплинарно-интегративные уровни, сциентические и антисциентические формы. В условиях постнеклассического типа научной рациональности оно дает новый импульс юридической науке к прекращению противоречия и решению дилеммы «что первично, государство или человек?» в пользу их органического единства, без чего невозможно практическое воплощение идеи солидарного государства [8; 9].

Характеризуя ситуацию в области методологии современной юридической науки, определяемой сменой философских оснований, невозможно не отметить процесс трансформации ее предметности. Неклассические концепции методологии юридической науки позволяют «высвечивать» те области государственно-правовой реальности, которые не находили научного, рационального обоснования в допозитивистский период и «уходили в тень» в позитивистской исследовательской программе в свете отсутствия, недостаточности, экономии средств философской рефлексии (так как в программе позитивизма каждая наука становилась «сама себе философией»). В первую очередь, области, «ушедшие в тень», – это антропологические константы государства, которые ориентируют в познании государства на его связь с природой человека, представляют социальные институты, в частности, государство, как произведение многообразной деятельности человека, воплощение определенной культуры. Антропологический поворот неклассической философии и науки обусловил развитие интересующих и диалогических методологий и актуализировал связь природы человека – чувств, воли, разума, духа – с историческими и цивилизационными формами государства и власти (эта связь была подчеркнута еще Периклом, основателем афинской демократии), которая детерминировала характер скреп между человеком и государством – от государственного эгоизма к государственному альтруизму.

Феноменом постнеклассического междисциплинарно-научного исследования человека, общества, государства в интегративном ключе становится философско-антропологический подход. Междисциплинарный характер культурной антропологии определило то, что на различных этапах развития ее методологические и мировоззренческие основания связывались с философией, физикой, историей, лингвистикой, культурологией, фольклористикой, биологией, анатомией. Так, в классической науке Нового времени антропология, возникшая в середине XIX века (преимущественно в Британии) в качестве своеобразного хобби интеллектуалов – специалистов в других сферах, в частности права [1], носила эмпирический характер и связывалась с естественными науками, подпитывая этнографию, этнологию. В постклассической науке установилась связь антропологии и философии, а также антропологии и других социально-гуманитарных наук (социологии, культурологии, политологии, юридической науки).

Ориентация на междисциплинарно-интегративное познание государства, создающее условия для диверсификации государства как культурно-антропологического феномена, позволяет преодолеть его антиномию с человеком, дальнейшую рационализацию и унификацию «без человека, общества, наций» и обеспечить реализацию как «произведения искусства», создаваемого человеком для духовного воспроизводства как ответа на вызовы глобальных проблем современности.

Заключение

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

Учение о государстве и политических явлениях как синкретичный феномен появляется в системе философского знания древнего мира в рамках учений о воспитании, этики, эстетики.

В условиях становления классической науки и классического типа научной рациональности складывались условия для рационализации познания государства и рационализации самого государства как образа и понятия. Смена типов научной рациональности с классической на постклассическую и постнеклассическую поменяла векторы познания государства к междисциплинарным и интегративным.

Разнонаправленные векторы познания государства формировались неклассической, постнеклассической философией и наукой в соответствии с господствующими на этих этапах типами научной рациональности.

В классической философии и юриспруденции Нового времени складывались гносеологические, эпистемологические, мировоззренческие основания для перехода *от синкретичного естественно-правового к дисциплинарному* познанию государства, которые отталкивались от позитивистской исследовательской программы (на основе позитивизма осуществляется дифференциация юридической науки). Оформляется позитивистская версия понимания государства как политического, приказного института, продуктом которого является право как приказ, догма.

В условиях становления неклассической науки и философии складываются междисциплинарные методологические векторы, которые в свете усиления антропологических принципов переводят предметность социально-гуманитарных (в частности, юридических) и естественных наук в плоскость человекоцентризма. Влияние междисциплинарно-антропологических методологических трендов обусловило постепенное

смещение методологических акцентов в юридической науке в первую очередь теории права и государства с нормативистско-институциональных, аналитико-юридических на многообразные внепозитивистские концепции понимания права и государства.

Постнеклассическая философия и юридическая наука трансформируют методологическую программу познания государства в междисциплинарно-интегративную. Проблема реконструкции антропологических констант государства в современных политических и социокультурных условиях актуализируется в условиях глобализации, в частности, феноменом междисциплинарно-интегративного исследования государства становится культурная антропология, позволяющая сформировать методологию, реконструирующую природу государства на различных культурно-исторических этапах и его многовекторную связь с человеком, семьей, обществом, культурой для определения стратегии дальнейшего развития в свете современных вызовов и угроз глобальных проблем современности.

Перспективы дальнейшего познания государства как продукта многообразной деятельности человека, погруженного в социокультурный контекст, сопряжены с расширением культурно-антропологических принципов как феномена междисциплинарно-интегративного исследования, позволяющего сформулировать внятные культуросообразные форматы государственности и государства в условиях глобализации на основе реконструкции антропологических констант.

Источники | References

1. Барнард А. Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Артемовой, М. В. Тендряковой; науч. ред. и коммент. Ю. А. Артемовой. М.: ИЭА РАН, 2009. 244 с.
2. Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: Летний сад, 2011. 288 с.
3. История и методология юридической науки: учебник для вузов / сост. И. Ю. Алексеева, Ю. А. Денисов, И. И. Еремина, М. К. Ивина, А. Б. Сапельников, А. Э. Чернооков, И. Л. Честнов; под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова. СПб.: ИВЭСЭП, 2014. 564 с.
4. Кривушин Л. Т. Проблема государства и общества в домарксистской мысли (историко-социологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 214 с.
5. Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М.: Территория будущего, 2008. 536 с.
6. Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.
7. Никишенков А. А. История британской социальной антропологии. М. - СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 496 с.
8. Современные проблемы Российского государства. Философские очерки / под общ. ред. В. Н. Шевченко. М.: Прогресс-традиция, 2015. 464 с.
9. Спиридонова В. И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М.: ИФ РАН, 2008. 186 с.
10. Тихомиров Ю. А. Государство: монография. М.: Норма, 2015. 320 с.
11. Чукин С. Г., Сальников В. П., Балахонский В. В. Философия права: учебник / под общ. ред. В. П. Сальникова, Г. Н. Хона. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 240 с.
12. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.

Информация об авторах | Author information

Таранова Александра Евгеньевна¹, к. соц. н., доц.

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Taranova Aleksandra Evgenievna¹, PhD

¹ Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

¹ taranova.bsu@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.12.2020; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): государство; юридическая наука; позитивизм; междисциплинарность; типы научной рациональности; state; legal science; positivism; interdisciplinarity; types of scientific rationality.